

Зной

Вдоль кромки неба,
На виду
У зло нахохлившихся
Чаек,
Пустынным островом
Бреду,
Рукой от солнца
Защищаясь.
У ног
Томятся облака,
Качнуть боками
Не рискуя.
Вдруг небо,
Вздвогнув от шлепка
И круто выгнув
Синь тугую,
Качнет
Упругие круги,
Сломает их —
И кулики
Рванутся косо,
Ухнет рыба,
Светло плеснув
На остров рыжий...
Свой дальний берег
Различая,
Привычно пробую
Весло.
И зло нахохлившихся
Чаек
Я поднимаю на крыло.

Мир открывался по весне

Пророчества —
Спираль цветного сна?..
Но каждый день —
Все тех же он резонов —
С утра
Пастушья дудочка слышна
На всех
Доступных мне диапазонах!..

Я говорю,
Остынь, не хлопочи —
Мир открывался
По весне осинам
Доверчиво,
Без всяких там причин,
Струясь и овевая веки синим.

Ложился
Ветер смело под крыло,
Врывался в сад
И вовсе не был ласков.
И август
Темным влажным помелом
Сбивал по звездочке
К ногам подпaska.

Летние звоны

Это там в распадке дальнем,
Где ручьи разгон берут,
Мастера по наковальням
Бьют в полдневную жару.

Наковальни, молоточки —
Будто все из серебра.
Гул веселый, гул рабочий...
Где вы, чудо-мастера?

Уплывает звон на плесы
По излуине тугой,
И взлетают подголоски
Белой чайкой над рекой.

И в ночи не смолкнет песня,
Не утихнут голоса...
Из глухого чернолесья —
Травы, травы-паруса!

Встают покосчики

Встают покосчики... Зарится.
Потрескивает дымокур.
Ложбиной сонной чуть струится
Дымок прозрачный на Амур.

Уже чихает кто-то смачно
И, клоч газеты оторвав,
Махорку сыплет, дым табачный
Перебивает запах трав...

А там, за ключьями тумана,
Где дерн до рыжей глины взрыт,
Сойдя к воде, тяжелый мамонт
Вот-вот призывно затрубит.

Труби, чудовище, пусть дрогнут
Глухих веков седые льды!..
Раздался рев — и на дорогу
Упали рубчато следы...

Пляшет лес

Зов во тьме, озноб испуга —
Филин, леший ли кричит?..
Отзывается округа
Хриплым хохотом в ночи.

А в реке, у переправы,
Млечный морок,
брызги звезд;
Зацепился серп за травы
Там, где влажный след колес.

Наплывает свет обманной —
Сразу рядом край небес —
В синем омуте тумана
Оживает черный лес.

...Жаль, от сказки
время лечит,
Но подпасок-оголец
Поутру, забыв про леших,
Вдруг увидит —
пляшет лес.

Первый выход по ягоды

Новелла

Лучит теплинки иван-чая
Загравеневший косогор.
А там, внизу, где крики чаек, —
Воды и ветра вечный спор.

Босым ногам еще остудно,
Еще не высохла роса.
Гремит порожняя посуда,
Звонят мальчишки голоса...

— Вынул дед Нечай пя-я-га-ак!
— Та-ак...
— Та-ак...
— Так.

— Дайте, — просит, — пету-у-ха-а!
— Ха-а-а...
— Ха-а-а...
— Ха.

— Вышли, паря, пету-у-хи-и!
— Хи-и-и...
— Хи-и-и...
— Хи.

— Пей-ка лучше, дед Не-е-ча-ай!
— Ча-ай...
— Ча-ай...
— Чай.

Я замираю, не до ягод:
Тревожный шорох тут и там,
И все мне кажется, что рядом
Крадется кто-то по кустам.

И кто-то злой, и кто-то добрый...
Колодник в ноги — ухнешь с ног,
А боль пройдет, тропинкой горной
Выходишь к ягоде лесной!..

— Кто боится темно-о-т-ты-ы?!
— Ты-ы-ы...
— Ты-ы...
— Ты.

— Кто смеется у руч-чья-а?!
— Я-а-а-а...
— Я-а-а...
— Я.

Сходились все на перевале,
И — в марь, до самой Ангары.
За мною шли, не отставали
Опять они... И с той поры

Они — в надеждах и тревогах
Непримиримы меж собой —
На всех путях, на всех дорогах
Незримо следуют за мной!..

— Кто боится тем-но-о-ты-ы?!
— Ты-ы-ы...
— Ты-ы...
— Ты.

— Кто смеется у ручь-я-а-а!?
— Я-а-а-а...
— Я-а-а...
— Я.

В том сибирском поселке

Я на мокрой стою полосе,
На подходе к большой магистрали,
Той, которую, помню, мы звали
Старым трактом, а после — шоссе.
Шинный след и следы от подков...
Я в забытых проулках плутаю,
Где над пряслами вьется, не тает
Снег черемуховых лепестков —

Словно зримое время течет...
Голоса и движенья — и значит,
После «эники-беники» мячик
Вдруг ошьет меня больно в плечо.
— Я за кругом! Чура — я не в счет!..
Биты взмах, и удар что есть силы —
Где он — черный, в пронзительно-синем —
Ждать не стану, когда упадет.

Где карьер тот, где рыжий откос,
С деревянным разбитым настилом,
По которому горе катилось
В ржавом зное, под визги колес?
...Ничего не забыл, не простил —
Но кому?! — в этой жизни постылой!
Тачки рвались из рук, и на стыках
Зло выстреливал грязью настил.

Я тропинки никак не найду.
Не видать и того переезда
По ключу, и того перелеска.
Где подпасок играет в дуду..
Невозвратно в прошедшем не все,

Но какой миг счастливо отмечен?
Через луг, что речушкой очерчен,
Кто черемуху в кепке несет?
Ах, подпасок, смятенья не сей.
Ты не знаешь, что в омутной грусти
Нет для сердца страшной перегрузки,
Чем увидеть ушедших друзей.
За черемухой я не пойду..
Широко сердцевина пробита, —
И дуда говорит басовито,
Огольчонок, кто ладил дуду?..

Шагай...

Опять иду в краю,
Где травы
Стоят босыми у дорог.
Где в избах шепчут:
— Боже правый,
Хоть ты б услышал,
Ты помог!..
Где голоса над похоронкой
И парят в печках лебеду.
Где говорят
Не любят громко
И про нужду, и про беду.
Где, остывая, жаром дышат
Еще живые кирпичи.
Где на откатчика-мальчишку
Угрюмый зольщик
Зло ворчит.
Где чокерит
Бревно за комель
Мой отчим,
Хмур и бородат,
И кто-то,
Очень мне знакомый,
Идет —
Куда глаза глядят..
Окликнуть
Хочется мальчишку,
От злого духа уберечь,
От всех ошибок

И от шишек,
От горьких дум,
Недобрых встреч!..
Шагай!

Прощай, путина

Прощай,
Земля лобастых сопок,
Где отрывались мы от снов,
Едва выглядывало солнце
Из-под ладоней островов.
И пили чай, и всей артелью
Шли вдоль прибоя на причал,
День начиная канительный,
По сходням бочкой грохоча.
Усталость рук, и плеч усталость,
И шаткость досок под ногой —
Ты нелегко нам доставалась,
Наука власти над собой!
В судьбе ничто не повторится,
Но в трудный час грядущих лет
Вдруг озарит однажды лица
Ночей бессонных зыбкий свет!..
Прощай, земля — край изначальный,
С крутым изломом берегов,
С тяжелым каменным молчаньем
В ущелье канувших веков.
Прощай,
Наш дом, ветрам открытый,
С певучей жалобой полов —
Да будет под твоею крышей
Всегда светло, всегда тепло!

Верю!

Мы все рабы своих привычек:
От зрелищ, книг и папирос —
До пустяков анекдотичных,
Что принимаем мы всерьез...

И к шумной славе мы стремимся —
И в ложной скромности молчим,
И дружбой верною томимся —
Как одиночеством своим.

Но верю — не погребено
Тугое в завязи зерно
Той сути в нас, что в час беды

Вдруг силой грозной прорастает —
И Человека утверждает,
Отгородив от ерунды!..

Полдень

Какая сушь! Как тяжело лето
На ветках согнутых висит!..
И все ровней кружит Планета
Тугую медь своей оси.

Не слышно птичьей перебранки,
Умолк ручей, не досказав
Лесные были. И саранки
Таращат дивные глаза.

Я выйду вслед

Зову тебя —
Я выйду вслед
В те травы ломкие
У речки,
Где в синий свод
Упавший свет
Струится далеко-далече.
Где лёт стрекоз
И взлет свечой
Тяжелых рыб вдали излучин.
И наши думы ни о чем,
А может быть,
О самом лучшем...
Зову тебя, и мне ответ
Приносит эхо
Зовом встречным:
— Зову тебя!
Но где тот след
В траве упругой
По-над речкой?
Но где тот свод.
Тот синий свет.
Упавший вниз —
Летающий в вечность?!

Весенний

Сколько лет тому, сколько же лет?!
Есть, наверное, странная дерзость
В том, что в звеньях пустячных замет
Память —
радость на привязи держит...

Луч разбился — посыпался снег,
Поздний снег — это память удержит!
Там, под снегом,
под снегом,
твой след,
С каблучком, — как в бутоне подснежник.

В полдень в поле пожар — снег горит!
Снег уютно уляжется в след,
Забываясь, истает... и льдистость

Поутру тронет краешек диска —
И, метнувшийся
искрами свет,
Легкий шаг твой
светло повторит!..

В ранней той поре

Как там все —
в начале,
В ранней той поре?..
Петухи кричали
Громко во дворе.

И, взлетев на прясло,
Хлопали крылом.
И звезда не гасла
В небе молодом.

И звезда не гасла —
Звонкие года!
— Гори-гори ясно,
Синяя звезда!

Как там все —
в начале?
Хруп да хруп ледок,
И звезду качает
Стылый стебелек.

Гори-гори ясно,
Синяя звезда,
Чтобы не напрасно —
Чтобы навсегда!

Чтоб она лучилась!..
Но из года в год —
Так уж получилось —
Дел невпроворот.

Разного значенья
Разные дела.
Только все зачем-то
Память сберегла...

Юности дорога —
Это сто дорог.
Как он, недотрога,
Стыл, тот стебелек!

Верю, не напрасно —
Есть всему свой срок —
И звезда не гасла,
И хрустел ледок!

Радость и утраты,
Каждый в жизни шаг —
Все это когда-то
Высветлит душа.

Как там все —
в начале,
Как там в те года —
Тянется лучами
Синяя звезда!..

